
международного признания своего политического суверенитета, получила логическое завершение 17 июля 1697 г. в «Договорных статьях, учиненных на реке Камышенке, между Калмыцким ханом Аюкою и Боярином Князем Борисом Голицыным. — О пособии ему с Российской стороны огнестрельными орудиями в случае похода его против Бухарцев, Каракалпаков и Киргисцев, о свободном ему при всех Российских селениях кочевании, о вспоможении ему в случае нападения на него Крымцов, о штрафе за крещение калмыков без особеннаго указа и о защищении Хана от Донцов и Башкирцов». По сути дела это договор равноправных партнеров. Показателен и завершающий абзац документа: «Боярин Князь Борис Александрович, с Калмыцким Аюкаем, при сыне и при всех его лучших людех такими заручными белыми письмами разменились»⁵³.

Таким образом, в XVII столетии «русская» политика тайшей выступала как средство обеспечения внутривосточной стабильности в улусах и катализатор процессов развития государственности у приволжских калмыков. Однако такая политика была возможна только в конкретных исторических условиях XVII в. и требовала очень точного расчета. Личное обращение Аюки-хана к императору Петру I в 1722 г. с просьбой помочь ему в передаче власти любимому младшему сыну Церен-Дондуку в обход потомства незадолго до этого скончавшегося старшего сына и соправителя Аюки Чакдоржапа⁵⁴ спровоцировало острый внутривосточный кризис, в конечном итоге завершившийся утратой Калмыцким ханством суверенитета.

---

⁵³ ПСЗРИ. Т. III. Собр. 1. № 1591. С. 329, 331.

⁵⁴ См.: Бакунин В. М. Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. С. 33 и след.

С. В. Стрельников

ПОТОМКИ РОСТОВСКОГО БОЯРИНА

В свое время такой крупнейший специалист в области источниковедения, как С. Б. Веселовский, не раз обращался к изучению русского служилого сословия XIV—XVI в. Серия ярких очерков по истории русского дворянства за средневековый период уже после смерти исследователя была объединена в обобщающий труд, который до сих пор сохраняет свою актуальность и является настольной книгой практически каждого «исследователя-феодала»¹. С. Б. Веселовскому на многочисленных примерах удалось выявить, что основной ячейкой средневекового общества был род². Сама принадлежность к тому или иному служилому роду определяла потомкам перспективы дальнейшего продвижения по службе. Отсюда стремления у представителей отдельных родов «подправить» свои родословия, подкрепляя их «старинными» грамотами. Так, попытки фальсификации источников исходили порой от представителей некоторых региональных родов, не принадлежавших к категории старомосковских боярских родов. В то же время важность региональных исследований по истории русского дворянства XV—XVII в. не вызывает сомнений, поскольку позволяет на примерах судеб отдельных локальных родов лучше понять процессы, связанные с централизацией русских земель XV—XVI в.

Ростовское дворянство сравнительно слабо освещено в литературе, причиной чему является не только скудность источников, но и отсутствие критериев по отделению коренных родов от пришлых. Изучению ростовского рода Ильиных, происходившего от Ильи Борисовича, уделили

---

¹ Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969.

² Там же. С. 7.

внимание П. А. Садиков, С. Б. Веселовский и К. В. Баранов³. Отдельный очерк по истории рода Мещериновых представил В. А. Кадик⁴. В работах С. В. Городилова и А. В. Кузьмина предпринята попытка изучения ростовских боярских родов конца XII — начала XV в.⁵

Обращение к генеалогии отдельных ростовских фамилий позволяет прояснить некоторые интересные моменты политической истории России второй четверти XV в., а также эпохи Ивана III.

Феодальная война времени правления Василия II сделала Ростовское княжество на какой-то период центром боевых действий. Действительно, под 1433 г. летописи сообщают о том, что, узнав о выступлении против Василия II войска Юрия Дмитриевича Звенигородского, прибежал в Москву ростовский наместник Петр Константинович Хромой из рода Добрыньских⁶. На следующий год «в Ростовской области у Николы на горе» был бой между Юрием Дмитриевичем и Василием II⁷. Еще через год, в 1435 г., новое сражение, которое произошло у реки Которосль на территории между ростовским селом Великим и ярославским селом Кузьмодемьянским. Проигравший битву князь Василий Юрьевич Косой бежал мимо Ростова в Кашин⁸. Под 1436 г. летописи освещают бой между войсками Василия II и Василия Косого, завершившийся поимкой и ослеплением последнего⁹. При этом место боя в 1436 г. летописи обозначают по-разному. Так, Типографская летопись лаконично сообщает: «В лето 6944, маіа 14, бысть бой великому князю Василью Васильевичу с князем Васильем Юрьевичем в Ростовском Нализѣ»¹⁰. Более подробно определяют место боя московские летописи, уточняя: «И срѣте его князь великий у святого Покрова на Скорятинѣ, в Ростовской области»¹¹. В Московском летописном своде конца XV в. немного иначе: «... в Скорятинѣ»¹². Содержательно описывает произошедшее Ермолинская летопись: «... и снидошася в Ростовской же области. И князь Василей прислал Русана чрънца от Бориса Глеба к великому князю и, взяв перемирие, поиде, сполчася, на великого князя от Болтина села, а сии вси разъехашася по кормы»¹³. Следовательно, по летописям можно выделить четыре географических ориентира («святой Покров», «Скорятин», «в Ростовском Нализе», «Болтино село»). Однако обращение к писцовой книге 1629—1631 г. не позволяет локализовать три последних топонима. Место боя в большинстве летописей связано со «святым Покровом», то есть с монастырем, погостом или сельской церковью. Писцовая книга 1629—1631 г. ростовских монастырей и погостов, посвященных Покрову Пр. Богородицы, не фиксирует. Село Покровское, образованное от названия сельской церкви, встречается в Рождественском (на реке Могзе) и Богородцком (на пруде) станах. В составе Карашской волости встречается деревня Покров у Заозерного озера. Географически эти населенные пункты расположены к северо-западу, западу и югу от Ростова. В Богородцком стане, чье название В. А. Кучкин вполне справедливо производит от названия села

³ Садиков П. Царь и опричник // Века. Пг., 1924. Т. I. С. 36—78; Баранов К. В. Грязной Василий Григорьевич // Отечественная история: энциклопедия. М., 1994. Т. I. С. 648, 649; Баранов К. В. Ростовские предки опричника // История и культура Ростовской земли. 1993. Ростов, 1994. С. 80—85; Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 89, 119, 120.

⁴ Кадик В. А. Ростовский род Мещериновых в XVI—XVII в. // Архив русской истории. М., 1995. Вып. 6. С. 196—205.

⁵ Городилов С. В. Ростовское боярство в первой трети XIV в. // История и культура Ростовской земли. 2001. Ростов, 2002. С. 86—93; Кузьмин А. В. Боярство Ростовской земли конца XII — начала XV века // История и культура Ростовской земли. 2001. Ростов, 2002. С. 61—77.

⁶ ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 250.

⁷ ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 23. С. 148; Т. 25. С. 251. Впоследствии на месте сражения был основан Никольский на Бою монастырь, расположенный в Лутском стане Ростовского уезда.

⁸ ПСРЛ. Пг., 1921. Т. 24. С. 183.

⁹ После ослепления Василия Косого главным противником Василия II стал Дмитрий Шемяка. Неизвестно, был ли Шемяка как-то связан с Ростовом, но в Ростовском уезде в Порецком стане, судя по писцовой книге, находилась пустошь Шемякино (См.: РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 10750. Л. 764 об. (766 об.)). (Далее — ПК).

¹⁰ ПСРЛ. Т. 24. С. 183.

¹¹ ПСРЛ. М.; Л., 1962. Т. 27. С. 271.

¹² ПСРЛ. Т. 25. С. 252.

¹³ ПСРЛ. Т. 23. С. 149.

Богородичского¹⁴, принадлежавшего еще со времен Ивана Калиты московским князьям, было расположено село Покровское, обозначенное впоследствии в числе купель великой княгини Марии Ярославны¹⁵. Другой топоним — «Болтино село», как уже говорилось, географически локализовать по писцовой книге не представляется возможным. Однако в состав ростовской городской корпорации первой трети XVII в. входили Болтины, хорошо известные также по ростовским актам XV—XVI в. Их земельные владения во второй половине XV в. встречаются в Подольском и, как явствует из писцовой книги 1629—1631 г., в Богородцком станах, расположенных по соседству. В соседнем с Подольским Пурском стане расположен Ростовский Борисоглебский монастырь, чернец которого стал посредником при заключении перемирия между князьями. В связи с перечисленными обстоятельствами наиболее вероятным местом боя представляется местность вблизи села Покровского Богородцкого стана.

Данное предположение можно проверить следующим образом. В составе Ростовского соборного синодика имеется уникальная поминальная запись, которая позволяет несколько прояснить ситуацию: «Феодору Юрьевичу и жене его Феодосие и сыном его Ивану Скоряте, Родиону, Савелию, Борису нареченному в мнишеском чину Феодору и сыну его Илье, Михаилу Болте и сыну его Матфею, Стефану и сыну его Ивану Хлуденю и внуку его Ивану, Юрию Василиевичу и сыном его Иакиму и Симону, Аверкию Малафеевичю, Юрию Васильевичю, Василию, Козме, Григорию Захарьичем вечная память»¹⁶. Структура записи позволяет предположить, что имена, занесенные до Юрия Васильевича с сыновьями, относятся к роду Федора Юрьевича. Указание на *-евич* здесь, скорее всего, служит не столько признаком боярства, сколько выделяет родоначальника. Для определения времени составления этой записи необходимо отождествить упомянутых в ней лиц. Как следует из записи, Федор Юрьевич являлся отцом для Ивана Скоряты, Родиона, Савелия, Бориса, Михаила Болты и Стефана. Итак, в одной записи оказываются зафиксированными Иван Скорята и Михаил Болта, которых можно связать с Болтиным селом и местностью «в Скорятине».

Об Иване Скоряте нам ничего не известно. Правда, в посольских делах под 9 марта 1488 г. упоминался некий Ивашка Скорятин, входивший в состав русского посольства, направленного в Великое княжество Литовское¹⁷. В первой трети XVII в. Скорятины не служили по Ростову и не располагали землями в Ростовском уезде. Зато в начале XVI в. в Нижегородском уезде встречаются дети боярские Семен Скорятин с сыновьями, Владимиром и Иваном¹⁸. В 1518 г. они судились с Нижегородским Дудиным монастырем. Предметом спора была монастырская земля, на которой за три года до суда сыновья Семена поставили деревню. Жив был и Семен, передавший землю детям. Со слов Семена, на эту землю он получил жалованную грамоту великого князя, обещав положить ее лишь перед самим великим князем. На предложение судьи представить старожильцев Семен ответил: «Яз, господине, здесе человек заведенной, старожилов, господине, у меня на ту землю нет»¹⁹. Иначе говоря, Скорятины не были местными землевладельцами в

¹⁴ Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV в. М., 1984. С. 272—273.

¹⁵ ДДГ. № 70. С. 243; № 72. С. 253.

¹⁶ Конев С. В. Синодиология. Часть 2: Ростовский соборный синодик // Историческая генеалогия. Екатеринбург; Нью-Йорк, 1995. Вып. 6. С. 106. (На эту публикацию мне указал А. В. Кузьмин).

¹⁷ Сб. РИО. СПб., 1882. Т. 35. С. 13.

¹⁸ Антонов А. В. Правая грамота 1555 года из архива Нижегородского Дудина монастыря // Русский дипломатарий. М., 2000. Вып. 6. С. 161—163.

¹⁹ Там же. С. 162. По предположению В. Б. Кобрин и А. В. Антонова, Семен Скорятин был новгородским сведенцем (См.: Кобрин В. Б. Власть и собственность в средневековой России. М., 1985. С. 100, 101; Антонов А. В. Правая грамота 1555 года из архива Нижегородского Дудина монастыря. С. 156). Действительно, в новгородских писцовых книгах встречаются новгородцы Иван, Игнатий, Максим, Патрикей, Петр и Федор Аверкиевы дети Скорятины (См.: Новгородские писцовые книги, издаваемые Археографической комиссией. СПб., 1868. Т. III. Стб. 638, 651, 820, 821, 868, 869). В данном случае, вероятно, мы имеем дело с двумя семействами Скорятиных: из Ростова и из Новгорода. Представители какого рода оказались в Нижнем Новгороде, сказать затруднительно. Не делая окончательного выбора в этом вопросе, следует, однако, заметить, что в упомянутой синодальной записи потомков Федора Юрьевича встречается некий Аверкий Малафеевич. Входивший в русское посольство 1488 г. Ивашка Скорятин, учитывая настороженное отношение русского правительства к новгородским выселенцам в 80-е г. XV в., скорее всего, происходил из ростовских Скорятиных.

Нижегородском уезде, а являлись пришлыми. Как известно, последние два десятилетия XV в. — период массовых переселений в Русском государстве. С целью ослабления возможных проявлений регионального сепаратизма великокняжеская власть провела серию мероприятий, приведших к значительным территориальным перемещениям в составе служилого сословия. Вероятно, одним из результатов подобной рокировки стал уход из Ростова Скорятиных.

Судя по летописному известию, Скорятиным принадлежало село Покровское, у которого в 1436 г. произошел бой. Известно, что по договору 1473 г. между Иваном III и Андреем Углицким последнему среди ростовских «купель» великой княгини Марии Ярославны передавалось село Покровское в Богородцком стане²⁰. Как явствует из договора 1481 г. между упомянутыми братьями, Андрею были добавлены новые села — «купели» Марии Ярославны, также расположенные в Богородцком стане. Все эти села были приобретены Марией Ярославной из «земель боярских и монастырских и служних и черных»²¹. Следовательно, одними из таких «продавцов» могли быть Скорятины, покинувшие впоследствии Ростовский уезд.

О Родионе и Савелии, втором и третьем сыновьях Федора Юрьевича, сведений не сохранилось. Зато известие о четвертом сыне, Борисе (в монашестве Федоре), у которого был сын Илья, является очень ценным. Сын Бориса, Илья Борисович стал, родоначальником ростовского рода Ильиных, от которых пошли Ошанины, Грязные, Молчановы. Представители этих семей особенно «отличились» при Иване Грозном и в Смуту²². О Борисе нам лишь известно, что он якобы приобрел у ростовского князя Федора Александровича в уплату княжеского долга в 300 рублей село Никольское «за озером»²³. В дальнейшем село, вероятно, унаследовал сын Илья, на которое он получил жалованную грамоту Василия II²⁴. Судя по найденным К. В. Барановым грамотам, время жизнедеятельности Ильи Борисовича приходится на достаточно большой период 20–80-е г. XV в. Несмотря на то, что несколько грамот рода Ильиных за XV в. вызывают подозрения в фальсификации и поновлении, по другим, более поздним источникам подтверждается владение их потомками землями в Ростовском уезде. Так, за Ошаниными в Якимовском стане, территориально расположенном за Ростовским озером, в первой трети XVII в. числилась старинная вотчина — село Никольское (то, что «за озером») с деревнями и пустошами²⁵. В том же стане в категории «старинных вотчин» находились владения и Молчановых²⁶. В стремлении показать «худородность» известного опричника Васюка Грязного Иван Грозный замечал, что «и прежние твои были у ростовских владык служили»²⁷.

Интересно, что по писцовой книге 1629–1631 г. в Якимовском стане, название которого, вероятно, произошло от архиепископского села Якимовского, в категории «старые родовые и

²⁰ ДДГ. № 70. С. 243, 248.

²¹ ДДГ. № 72. С. 253, 256, 259, 261, 264, 266, 267. То, что все ростовские села, купленные Марией Ярославной, расположены в Богородцком стане, выясняется при обращении к писцовой книге Ростовского уезда 1629–1631 г. Писцовая книга позволяет достаточно четко локализовать местонахождение «купель» Марии Ярославны — села Покровское (на пруде), Савинское (на речках Кеме и Ворсице), Терентьевское (на речке Инеме), Тимофейково (на речке Ворге), Погорелка (на речке Ворге), Болдырево (на речке Инеме), Трепарево (на речке Ворсице), Толмачево (на речках Инеме и Ворсице), Павловское (два селения: пустошь на речке Инеме и село). Из девяти топонимов шесть имеют аналогичные названия в других станах уезда, и только три названия селений уникальны — присутствуют лишь в одном стане — Богородцком. Итак, все упомянутые села (9 топонимов), многие из которых стали к 1629–1631 г. деревнями и пустошами, встречаются компактно лишь в одном стане — Богородцком (См.: ПК-10751. № 51, 52, 54, 55, 67, 69, 70, 73, 74). В этом же стане было расположено и село Богородичское (Богородцкое), данное Бориске Воркову Иваном Калитой (См.: ДДГ. № 1. С. 10).

²² Садиков П. А. Царь и опричник. С. 36–78; Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 89, 119, 120; Баранов К. В. Грязной Василий Григорьевич. С. 648, 649.

²³ Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII в. М., 1997 (далее — АСЗ). Т. I. № 66.

²⁴ Там же. № 66. Сама грамота вызывает большие сомнения. Однако разбор грамот Грязных требует отдельного разговора.

²⁵ ПК-10752. № 198, 199, 200, 202.

²⁶ Там же. № 205, 206.

²⁷ Садиков П. Царь и опричник. С. 73.

купленные вотчины» 9 из 10 владений принадлежало (или еще совсем недавно принадлежало) семьям, представители которых либо в прошлом, либо в настоящем входили в состав владычного двора. Помимо Ошаниных и Молчановых, здесь можно встретить фамилии Буриных, Шумиловых, Губастовых, Чихачевых, Грызловых, Плишкиных и Ильиных (последние, вероятно, родня Грязным, Ошаниным и Молчановым)²⁸. Следовательно, Якимовский стан являлся одним из центров, где сохранились фрагменты старинного землевладения ростовских служилых людей XV–XVI в.

Другой пласт старинных и родовых земель потомков Ильи Борисовича находился в двух смежных станах — Порецком и Введенском. О правах Ильи Борисовича на земли в этих станах говорит фальсифицированная жалованная данная грамота Василия II Илье Борисовичу. Грамота перечисляет деревни, тянувшие к селам Зубарево и Егорьевское²⁹. Несмотря на явную фальсификацию грамоты, братьям Григориям Грязным Васильевым детям Ильина в начале XVI в. действительно принадлежало в Введенском стане село Егорьевское (Юрьевское) с деревнями Яксосерь, Ногинское и Подлипное, проданные в 1513/14 г. Василию Андреевичу Челяднину³⁰, вдова которого в феврале 1516 г. дала их вкладом в Переславский Горицкий монастырь³¹. Деревни Микулино и Горки, тянувшие, как явствует из той же фальсифицированной грамоты, к селу Егорьевскому, также встречаются в составе владений Переяславского Горицкого монастыря, но территориально отнесены к Савину стану и приписаны к селу Фоминскому³². Само село Фоминское, купленное Иваном Андреевичем Челядниным неизвестно у кого в 1511 г.³³, поступило от вдовы последнего в тот же монастырь в 1523 г.³⁴ Учитывая вышеупомянутые сделки между Грязными и Челядниными, а также между последними и монастырем, можно предположить, что село Фоминское с деревнями, в то числе и деревни Микулино и Горки, было куплено Челядниными у тех же Грязных или их родственников.

Известно также, что в середине XVI в. будущему опричнику Василию Григорьевичу Грязному принадлежало вотчинное сельцо Никульское (Микульское) в Введенском стане, которое в том же статусе сохранилось за его сыном Тимофеем и внуком Василием³⁵. Возможно, и село Зубарево также находилось за Грязными. Часть деревень, упомянутых в подложной грамоте, в первой трети XVII в. принадлежала на правах вотчин Молчановым³⁶. В том же Порецком стане встречается вотчина В. Т. Грязного³⁷.

Итак, к западу от Ростова в Порецком и Введенском станах также находился обширный комплекс селений, принадлежавший потомкам Ильи Борисовича.

Характерно, что потомки Ильи Борисовича до середины XVI в. входили в состав ростовской городской корпорации. Так, четверо потомков проходили службу по ростовскому дворовому списку³⁸. Но в первой трети XVII в. представители рода в служебном отношении по Ростову уже не значатся, хотя вотчины и поместья там имели. Вероятно, в это время они проходят службу по другим городам.

Скорее всего, их уход из Ростова был связан с событиями Смутного времени. При наделении польским королем Сигизмундом III земель своих русских сторонников Тимофей Васильевич

²⁸ ПК-10752. № 197–200, 202–206.

²⁹ АСЗ. Т. I. № 67.

³⁰ Антонов А. В., Баранов К. В. Акты XV–XVI века из архивов русских монастырей и церквей // Русский дипломатарий. М., 1998. Вып. 3. № 2.

³¹ Там же. № 3.

³² ПК-10750. Л. 1129 (1131)–1133 об. (1135 об.).

³³ Антонов А. В. Перечни актов Переславских, Ярославских, Костромских и Галичских монастырей и церквей XIV–начала XVII веков // Русский дипломатарий. М., 1997. Вып. 1. С. 51. № 28.

³⁴ Там же. С. 52. № 38.

³⁵ Антонов А. В., Баранов К. В. Акты XV–XVI века из архивов русских монастырей и церквей. № 4; ПК-10751. № 241 (239).

³⁶ Порецкий стан: Хвастово Малое, Гонкова (Клюкино), Шахмотово, Вертлово, Скоморохова, Фомино, Пустошка, Паншино, Филяково (См.: ПК-10751. № 227 (225), 228 (226), 230 (228)).

³⁷ ПК-10751. № 231 (229).

³⁸ Тысячная книга 1550 г. и Дворцовая тетрадь 50-х годов XVI в. / Подгот. А. А. Зимин. М., 1950 (далее — ТКДТ). С. 142, 143.

Грязной получил грамоту на «отчизны» в разных уездах, в том числе и в Ростовском³⁹. Вскоре Т.В. Грязной впал в немилость, поскольку Сигизмунд потребовал, чтобы земли в Алексинском уезде, которые Грязной «ложно» выдавал за свои «отчизны», тот вернул Петру Григорьевичу Дашкову, у которого они значились как «поместные»⁴⁰.

В период Смуты земельные пожалования от Сигизмунда получил не только Тимофей Грязной, но и его дети Борис и Василий⁴¹. Среди ростовских земельных пожалований Сигизмунда значилось и «старинное вотчинное село Зубарево с деревнями»⁴², упомянутое в жалованной данной грамоте Василия Темного⁴³. Помимо различных грамот Сигизмунда русским служилым людям сохранился лист на уряды, где в одной из статей помечено: «Тимофею Васильевичу Грязному на Приказ Монастырский»⁴⁴.

Вернемся к записи в Ростовском соборном синодике. О Михаиле Болте сведений не сохранилось. Дошла лишь родословная роспись Болтиных, выводивших свое происхождение от татарского мурзы Кутлубоги, принявшего в крещении имя Георгия (Юрия): «А у Юрья сын Михаил прозвища Болта, а у Михаила сын Матвей»⁴⁵. Запись в Ростовском соборном синодике, скорее всего, указывает на то, что отцом Михаила Болты был Федор Юрьевич, родоначальник Скорятиных и Ильиных. В этом случае родословная не указывает Федора как промежуточное звено между Юрием и Михаилом. Не исключено, что Михаил Болта мог быть братом, а не сыном Федора Юрьевича. Тогда родословная верна. Как бы то ни было, Михаил Болта принадлежал к роду Федора Юрьевича.

Годы жизни Михаила неизвестны. Зато известно, что его сын Матвей Болтин был в 80-е г. XV в. на поместье среди испомещенных в Новгородской земле⁴⁶. Вероятно, Матвей был уже в пожилом возрасте, так как в эти годы уже активно действуют его дети, а в 90-е г. и внуки. Следовательно, Болтино село, упомянутое в летописи под 1436 г., принадлежало, скорее всего, его отцу Михаилу Болте.

Где же было расположено Болтино село? Из актового материала конца XV — первой трети XVI в. известно, что значительные владения Болтиных были расположены в Подольском стане (к западу от Ростова). Не исключено, что и в других станах могли быть расположены их владения. По более поздним источникам, ретроспективно относящимся ко второй половине XVI в., старинное землевладение Болтиных встречается в Богородцком стане⁴⁷.

Таким образом, можно примерно локализовать место боя в 1436 г. Оно произошло на территории, которая принадлежала потомкам Федора Юрьевича: Скорятиным, Ильиным, Болтиным⁴⁸.

Непонятным остается лишь запись, приведенная публикаторами Типографской летописи: «в Ростовском Нализе». Интересно, что та же летопись под 6941 г. сообщает о битве Василия II с Василием и Дмитрием Юрьевичами аналогичным образом: «бысть бой великому князю Василью в Костромскомъ на Коуси...»⁴⁹ Как отмечает Ю. В. Готье, в Костромском уезде была расположена

³⁹ Помимо Ростовского уезда (сельцо Микулинское с деревнями), Т. В. Грязной получил земли в Углицком, Переяславском, Бельском, Луховском, Шацком, Алексинском и Козельском уездах (См.: Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1851. Т. IV. С. 327).

⁴⁰ Там же. С. 373, 407, 408.

⁴¹ Они получили земли в Галичском, Можайском, Ярославском и Ростовском уездах (См.: Там же. С. 340).

⁴² Там же. С. 340.

⁴³ АСЗ. Т. I. № 67.

⁴⁴ Там же. С. 403.

⁴⁵ РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. № 109.

⁴⁶ Гневушев А. М. Очерки экономической и социальной жизни. Приложение I. С. 289.

⁴⁷ ПК-10751. № 73 (село Щурово на речке Ворсмице), 74.

⁴⁸ Ошибочной следует признать локализацию места боя в работах А. А. Зимина и Ю. Г. Алексева (См.: Зимин А. А. Витязь на распутье: Феодальная война в России XV в. М., 1991. С. 76; Алексеев Ю. Г. Государь всея Руси. Новосибирск, 1991. С. 20).

⁴⁹ ПСРЛ. Т. 24. С. 182.

волость Куская, чье название происходит от реки Кусь⁵⁰. Схожим образом записано под следующим годом: «Князь же великий Васильи Васильевич сръте ихъ в Ростовскомъ у святого Николы на горѣ, на рѣцѣ на Могзѣ...»⁵¹ Скорее всего, при публикации летописи издателем следовало слово разделить — «на Лизе». Реки Лизы в Ростовском уезде нет, зато в 2 км от села Покровского протекает река Лига, на которой находится деревня Долгополова, тянувшая в первой трети XVII в. к упомянутому селу⁵². Следовательно, читать нужно «в Ростовском на Лиге»⁵³.

Итак, Василий Косой с войском остановился у Болтина села, вероятно, в Подольском или Богородцком станах, от которого, развивая наступление, и атаковал Василия II у села Покровского, принадлежавшего Ивану Скоряте или его детям. Владения Бориса и его сына Ильи были расположены в соседних с Богородцким и Подольским станами, правда, несколько отдаленнее от села Покровского. Возможно, потомкам Федора Юрьевича в Ростовской земле принадлежала целая волость. А следовательно, можно утверждать, что Федор Юрьевич и его потомки являлись очень крупными землевладельцами среди местных родов.

Что же представляли собой земли Болтиных в Подольском стане? Наиболее ранние сведения о землевладении Болтиных относятся к последним двум десятилетиям XV в. Так, в одном из актов по Ростову 1474—1484 г. среди разъезжих мужей назван Семен Матвеев сын Болтин⁵⁴, купивший во второй половине 90-х г. у Павла, сына дьяка Никифора Демидовича, деревни Коростелево, Исаково, Новое и Филимоново в Подольском стане⁵⁵. Скончался Семен незадолго до 1518/19 г., когда его дети (Андрей, Владимир и Данила) произвели раздел купленных земель⁵⁶. Андрею достались «купли»: деревня Коростелево, пустошь Исаково, третье поле деревни Новое. Владимиру и Даниле — по половине деревни Филимоново и по трети деревни Новое. Вероятно, вскоре после смерти Семена Матвеевича его сын Андрей купил у Павла Никифоровича Демидова деревню Остров, пополнив, таким образом, комплекс купленных земель⁵⁷. В июле 1526 г. А. С. Болтин купил у своего сестрича (сына сестры) Андрея Ильина сына Коробина деревню Гвизово в том же стане⁵⁸.

Помимо собственных «купель» и «купель» отца Андрей располагал в Подольском стане вотчинами, унаследованными от С. М. Болтина (сельцо Губино, сельцо Взманово и деревни Павловское и Горка⁵⁹).

Весь этот комплекс купленных и вотчинных земель А. С. Болтин со своими детьми (Семеном, Василием, Иваном и Федором) променял в июле 1533 г. на село Трояк с деревнями в Чудском стане Кашинского уезда, принадлежавшее Троице-Сергиеву монастырю⁶⁰. Утратили к 1533 г. земельные

⁵⁰ Готье Ю. В. Замосковский край в XVII в. М., 1937. С. 385.

⁵¹ ПСРЛ. Т. 24. С. 182.

⁵² ПК-10751. № 69.

⁵³ Различия в написании рек и речек достаточно характерно для летописей. Так, Тверская летопись, повествуя о боях под Ростовом в 1213 г. между детьми Всеволода Большое Гнездо, упоминает «на рѣцѣ Гзѣ». Позднее участник тех боев Александр Попович сзывает 70 витязей «к собѣ въ городѣ, обрыть подѣ Гремячимъ колодызе на рѣцѣ Гдѣ...» (См.: ПСРЛ. Пг., 1922. Т. XV. Стб. 337, 338). В писцовых описаниях и современных картам известна лишь река Гда.

⁵⁴ АСЭИ. Т. I. № 446.

⁵⁵ АСЭИ. Т. I. № 579, 606; Акты Русского государства 1505-1526 гг. М., 1975. (далее — АРГ). № 164.

⁵⁶ АРГ. № 164.

⁵⁷ АСЭИ. Т. I. № 616. Датировать купчую А. С. Болтина на деревню Остров нужно временем около 1518/19 или чуть позже, а не периодом 1497—1510 г., как указано у публикаторов. За это говорят и другие свидетельства. Так, в 1496 г., когда была составлена закладная кабала П. Н. Демидова С. М. Болтину и его сыну Даниле на деревни Коростелево и Исаково, упомянут лишь один сын Данила, в то время как при разделе в 1518/19 г. С. М. Болтин «благословил» купленными землями всех троих детей. Видимо, братья Андрей и Владимир родились после 1496 г. Следует также учесть, что П. Н. Демидов являлся зятем А. С. Болтина. Вероятно, он был женат на сестре последнего, так как у А. С. Болтина тогда либо еще не было детей, либо они были слишком малы: в 1533 г. А. С. Болтин расписался за своих детей, поскольку «писати не умеют», тогда как в той же грамоте среди послухов упомянут Иван Павлов сын Никифорова (Микифорова) (См.: СПб ИРИ РАН. Ф. 29. Оп. I. Д. № 8. Ч. III. № 687. Далее — Копии).

⁵⁸ АРГ. № 275; Копии. Ч. III. № 687.

⁵⁹ Копии. Ч. III. № 687.

⁶⁰ Копии. Ч. III. № 687. Пустошь Крутец, упомянутая в числе «купель», ранее входила в состав Коростелево и Исаково, ставших к моменту продажи пустошами. В отдельное селение она выделилась лишь к этому времени.

купли и братья А. С. Болтина — Владимир и Данила (последний, возможно, к этому времени умер). Их земли уже принадлежали Борису Иванову сыну Рюмину и митрополичьему певчему дьяку Царю Тимофею⁶¹. В апреле 1538 г. последовать примеру своего родственника решил Григорий Кузьмин сын Неклюдов Болтин, променяв свои деревни Оленино, Лешутино и селище Якимцово в Подольском стане Ростовского уезда на троицкие земли в Дубенском стане Кашинского уезда⁶².

Что побудило Болтиных променять свои ростовские земли на вотчины в Кашинском уезде, сказать сложно. Так, С. М. Каштанов предположил, что переход А. С. Болтина в 1533 г. в Кашин, входивший в удел князя Юрия Ивановича Дмитровского, должен был поставить землевладельца в определенную зависимость от удельного князя. «Что это было? Бегство из-под власти великого князя или согласованное с великим князем внедрение верных ему людей в Кашинский удел?» — задает вопрос С. М. Каштанов, предлагая 2 варианта⁶³. Но если переход А. С. Болтина в Кашин в 1533 г. и можно объяснить подобными предположениями, то как тогда рассматривать аналогичный поступок Григория Болтина в 1538 г., когда удел князя Юрия Ивановича был с декабря 1533 г. уже ликвидирован. Думается, что наиболее вероятной могла быть потребность А. С. Болтина в деньгах. Так, монастырь, совершая обмен, приплатил А. С. Болтину 215 рублей «монастырских казенных денег». Характерно также, что купленные им и его отцом деревни, за исключением деревни Новое и недавно приобретенной деревни Гвизово, стали к 1533 г. пустошами. К тому же в результате приобретения митрополичьим певчим дьяком Царем Тимофеем и Б. И. Рюминым земель братьев А. С. Болтина возник «спор о земле» между новыми владельцами и А. С. Болтиным⁶⁴. Размен земель Григория Болтина с Троице-Сергиевым монастырем был более равной сделкой, чем предыдущий в 1533 г., поскольку никто никому не приплачивал. Второй размен был выгоден Троице-Сергиеву монастырю, так как округлял его владения в Подольском стане, в то время как Андрей и Григорий Болтины получили земли в разных станах Кашинского уезда.

О других Болтиных известно лишь следующее. У Семена Матвеевича, по родословной, были два брата, Иван Большой и Иван Меньшой⁶⁵. Все трое братьев получили в период правления Ивана III кормления: «За Иваном Большим кормление было сокольничий путь, у Семена кормление было на Колмогорах половина Двины, за Иваном Меньшим кормление было Пильи Горы да Немнюга»⁶⁶. Один из Иванов (неясно какой!) являлся судьей первой инстанции в Ростове в конце XV в.⁶⁷ Сын судьи, Митя, упомянут в том же судебном списке конца XV в. Другой сын, Василий Иванович Болтин, вместе с И. К. Коробьиним и А. Петровым возглавил экспедицию по поиску серебряной и медной руды в 1491 г.⁶⁸ Он же назван в 1495—1497 г. одним из судебных мужей по Угличу⁶⁹, а также послухом в купчей грамоте на деревню Новое между С. М. Болтиным и П. Н. Демидовым⁷⁰. Александр Иванов сын Болтин, известный еще в 90-е г. XV в. в качестве одного из судебных мужей по Дмитрову⁷¹, упомянут в 1518/19 г. в качестве одного из посредников при дележе купленных земель С. М. Болтина⁷². Его сын Иван в 1526 г. упомянут послухом в

⁶¹ Копии. Ч. III. № 730.

⁶² Копии. Ч. III. № 788. В тексте грамоты он назван Григорием Неклюдовым сыном Болтиным, а при рукоприкладстве — Григорий Кузьмин сын Неклюдов Болтин.

⁶³ Каштанов С. М. Ростовский уезд при Василии III // История и культура Ростовской земли. 1994. Ростов, 1995. С. 65.

⁶⁴ Копии. Ч. III. № 687.

⁶⁵ РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. № 109.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ АСЭИ. Т. I. № 635.

⁶⁸ ПСРЛ. М.; Л., 1962. Т. 26. С. 288.

⁶⁹ АСЭИ. Т. I. № 581.

⁷⁰ АСЭИ. Т. I. № 606.

⁷¹ АСЭИ. Т. II. № 406.

⁷² АРГ. № 164.

купчей А. С. Болтина на деревню Гвизово⁷³. Вероятно, потомком одного из братьев Семена Матвеевича нужно считать Григория Кузьмина сына Неклюдова Болтина.

Однако не все Болтины ушли из Ростова. Во всяком случае, один из Болтиных в 1631 г. проходил службу по Ростову⁷⁴.

Не совсем ясными представляются родственные отношения между Болтиными и Танеевыми (Тонеевыми). В двух упоминаемых выше актах конца XV в. из архива Болтиных среди послухов назван Болта Танеев сын⁷⁵. То, что имя-прозвище Болта встречается в актах, относящихся к роду Болтиных, говорит, скорее всего, о каких-то родственных связях между родами Болтиных и Танеевых. Танеевы (Тонеевы) в первой трети XVII в. проходили службу по Ростову⁷⁶. Интересно, что в 1631 г. состоялось «полюбовное» размежевание поместной земли между Анной, вдовой Матвея Баженова сына Танеева (Тонеева), с детьми (Богданом и Матвеем) и сотником московских стрельцов П. Ф. Быковым. Права малолетних Богдана и Матвея Танеевых представлял сын боярский Захарий Скорятин⁷⁷. Вероятнее всего, З. Скорятин, не служивший по Ростову, являлся одним из родственников малолетних детей. Но можно предположить и более сложный вариант. З. Скорятин отстаивал интересы всех потомков рода Федора Юрьевича: Скорятинных, Ильиных, Болтиных и Танеевых.

Возвращаясь к поминальной записи о роде Федора Юрьевича, читаем: «Стефану и сыну его Ивану Хлуденю и внуку его Ивану»⁷⁸. Иван Иванович Хлуденев известен как чернец Троице-Сергиева монастыря в середине XV в. 17 июля 1444 г. он упомянут в качестве послуха при передаче ростовским епископом Ефремом троицкому игумену Зиновию пустоши «в Карачеве у святого Дмитрея» в Ростовском уезде⁷⁹. Хлуденевы происходили из рода Андрея Кобылы. Отец Ивана Александровича Хлуденя являлся вторым сыном Андрея Кобылы. Однако поминальная запись в Ростовском соборном синодике говорит о том, что отцом Ивана Хлуденя был не Александр Елка, второй сын Андрея Кобылы, а некий Стефан. К сожалению, объяснения этому обстоятельству пока найти невозможно. Быть может, мы имеем дело с представителями другого рода Хлуденевых, являвшимися потомками Федора Юрьевича из Ростова. Сама структура записи позволяет давать иные толкования. Не исключено и механическое объединение поминальных записей в одну общую или описки писцов⁸⁰.

Подведем итоги. История рода Федора Юрьевича являет собой наиболее яркий пример эволюции местных землевладельцев. Судя по компактности земельных владений потомков Федора Юрьевича, они располагались в среднем течении реки Устье и ее притоках и, вероятно, составляли целую волость. Скорее всего, Федор Юрьевич и его потомки являлись весьма влиятельным боярским родом среди местных служилых людей. Потомки Федора Юрьевича оказались вовлечены в различные события политической истории России XV – первой трети XVII в.: феодальная война второй четверти XV в., мятеж братьев великого князя в 1480 г., испомещение в новгородских и нижегородских землях, участие в экспедиции в поисках серебряной руды, опричина, Смута. За данный период представители рода состояли на службе у великих и удельных князей, входили в

⁷³ АРГ. № 275.

⁷⁴ РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. № 184.

⁷⁵ АСЭИ. Т. I. № 579, 606.

⁷⁶ РНБ. Эрмитаж. № 394. Ростов.

⁷⁷ ПК-10751. № 211(209).

⁷⁸ Конев С. В. Синодология. Ч. 2: Ростовский соборный синодик. С. 106.

⁷⁹ АСЭИ. Т. I. № 113. Грамота дошла до нас в списке XVI в. Датирована эта грамота «месяца июля в 17 день в лето 6942 индикта 7». Однако здесь есть путаница, так как в списке с грамоты, как обратил внимание еще С. Б. Веселовский, в году цифра десятков неясна; Ефрем был ростовским иерархом с 1427 по март 1454 г., а Зиновий — игуменом с 1432 по 1 сентября 1445 г. Поэтому, чтобы индикт совпал с годом, год должен быть 6952 (1444). При переписке с грамоты цифру «Н» (50) можно было легко спутать с цифрой «М» (40).

⁸⁰ Вообще же Ростовский синодик иначе толкует и отчество самого Андрея Кобылы. По родословцам известно, что его отцом был Иван. Тогда как синодик показывает Александра: «Андрею Александровичу Кобыле...» (См.: Конев С. В. Синодология. Часть 2: Ростовский соборный синодик. С. 106).

состав двора ростовских архиереев. Одни из них к XVII в. полностью утратили связь с Ростовским уездом, другие сохранили там вотчины, третьи продолжили службу по Ростову.

Родословная рода Федора Юрьевича (по родоначальникам)

